

ISSN 2524-2369 (Print)
 ISSN 2524-2377 (Online)
 УДК 165.2
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-28-39>

Поступила в редакцию 03.01.2024
 Received 03.01.2024

А. М. Кардаш

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
 Минск, Беларусь*

ПРОБЛЕМА ПОРЯДКОВ ЗНАНИЯ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Аннотация. Рассматриваются КК-принцип и связанная с ним категория порядков знания. Определяется характер сложившейся эпистемологической дискуссии, ставится проблема разрастающихся порядков знания и предлагается решение, связывающее порядки знания с концепцией эпистемической истории Алвина Голдмана.

Во введении обозначается, что исследование КК-принципа является наиболее активно разрабатываемой метакогнитивной темой современной эпистемологии. Само же метапознание является областью междисциплинарных исследований, где философия может предложить прояснение некоторых концепций, в частности, идеи порядков знания, которая зачастую некритично «онтологизируется». В основной части статьи рассматривается характер исследования КК-принципа, которое происходит на стыке между эпистемологией и эпистемической логикой. Показывается разница между категоричной и некатегоричной формулировками принципа. Обозначается связанный с КК-принципом спектр тематик от исследования логических парадоксов до практических следствий, касающихся оценки когнитивных способностей животных. Далее ставится проблема разрастающихся порядков знания, состоящая в том, что если знанию менее высокого порядка всегда соответствует знание более высокого порядка, то неясно, какого порядка знания достаточно, чтобы утвердить наличие знания первого порядка. В заключении предлагается понимание порядков знания как номинального обозначения, относящегося к сфере нормативности и языковой прагматики. Понятые таким образом порядки знания связываются с концепцией эпистемической истории Алвина Голдмана.

Ключевые слова: эпистемология, знание, КК-принцип, порядки знания, метапознание, позитивная интроспекция, знание второго порядка

Для цитирования: Кардаш, А. М. Проблема порядков знания в эпистемологии / А. М. Кардаш // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2025. – Т. 70, № 1. – С. 28–39. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-28-39>

Aleksey M. Kardash

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

KNOWLEDGE ORDERS PROBLEM IN EPISTEMOLOGY

Abstract. This article examines how the debate over KK principle (Knowing that One Knows) introduces the notion of knowledge orders into epistemology, which standardly involves a division into first- and second-order knowledge. The uncritical understanding of knowledge orders leads to their naive ontologization, which has negative theoretical and practical consequences. One such consequence is the problem of proliferating orders of knowledge, which consists in the fact that if knowledge of a lower order always corresponds to knowledge of a higher order, it is not clear what order is needed to possess first-order knowledge. As a solution, it is proposed to understand knowledge orders as a nominal designation related to the evaluation of the position of knowledge in epistemic history (as this concept is understood by Alvin Goldman).

Keywords: epistemology, knowledge, KK principle, knowledge orders, metacognition, positive introspection, second-order knowledge

For citation: Kardash A. M. Knowledge orders problem in epistemology. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2025, vol. 70, no. 1, pp. 28–39 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2025-70-1-28-39>

Введение. Согласно КК-принципу, если субъект знает, что p , то он также знает о том, что он знает, что p ¹. Эпистемологи стараются выяснить, может ли этот принцип быть истинным за пределами эпистемической логики, которая принимает его как аксиому позитивной интроспекции.

За годы философской дискуссии у принципа возникли как сторонники, коим, например, является Яакко Хинтика, так и критики, среди которых первенство принадлежит Тимоти Уильямсону, предложившему наиболее известные аргументы против «КК». Одновременно с этим сло-

© Кардаш А. М., 2025

¹ Под « p » понимается любая пропозиция, т. е. повествовательное предложение о некотором факте или положении дел.

жились и разнообразные интерпретации того, что вообще собой представляет знание о знании. Зачастую оно связывается с интроспекцией и рефлексией.

Поскольку обсуждение принципа происходит во многом на границе между эпистемологией и эпистемической логикой, неформальной и формальной философией, то оно не очень известно за пределами обозначенных дисциплин. При этом КК-принцип можно назвать наиболее активно обсуждаемой и исследуемой *метакогнитивной* темой в эпистемологии. Исследование метакогнитивных процессов, метапознания, или метакогниции, – это область междисциплинарных исследований (скорее де-юре, чем де-факто), которую часто в первую очередь связывают с психологией, обратившейся к метапознанию в 1990-х гг. в связи с его важностью для процесса обучения [1]. Несмотря на наличие работ, которые упоминают эпистемологию в связи с метакогнитивной психологией [1; 2], следует констатировать пробел в этом вопросе между теорией познания и эмпирическими исследованиями.

Отчасти это обусловлено тем, что представители разных дисциплин интересуются разными аспектами метапознания и, более того, самим метапознанием в разных смыслах. Однако часть таких исследований, как философских, так и относящихся к другим дисциплинам, объединяет общая черта, которая напрямую относится к эпистемологическому анализу КК-принципа, – они исходят из представления о двух уровнях познания (некого первичного уровня и вторичного мета-уровня), из чего проистекает представление о порядках познавательных явлений. Для иллюстрации приведем несколько примеров того, как в разных темах исследователи апеллируют к познавательным явлениям различных порядков: в эпистемологии разногласий («epistemology of disagreement») используется терминология эпистемических установок высшего порядка [3]; в других подобластях эпистемологии обсуждаются убеждения высшего порядка и обоснование высшего порядка [4; 5]; в психологии обучения говорится о мышлении высшего порядка [6]; в исследованиях рациональности пишется об интеллектуальных предпочтениях второго порядка [7]; возникновение знания второго порядка рассматривается как важная часть развития античной науки [8]; исследования когнитивных способностей животных активно обращаются к представлению Деннета об интенциональных системах различных порядков [9].

Естественно, мы не утверждаем, что в каждом из этих выборочных примеров порядки познавательных явлений обязательно понимаются схожим образом и выводы, достигнутые философами в обсуждении КК-принципа, актуальны для любого исследования, явно или неявно касающегося метапознания. Другое дело, что именно на примере КК-принципа ярко проявляются проблемы, связанные с наивной «онтологизацией» категории порядков знания (следовательно, и ряда связанных с ним эпистемических явлений), т. е. представления, согласно которому категория порядка знания касается самой природы знания как явления. Некритично обращаясь к концепциям, вроде «знания первого порядка» и «знания второго порядка», мы рискуем приписать разным словам некое сущее просто по факту разности слов.

В рамках данной статьи мы погрузимся в некоторые тонкости эпистемологического обсуждения КК-принципа, чтобы явным образом поставить проблему разрастающихся порядков знания, которая, надеемся, может быть актуальной не только для специалистов-эпистемологов, но и широкого круга исследователей, обращающихся к идее знания различных порядков.

КК-принцип в общей эпистемологии. Что собой представляет дискуссия о КК-принципе и сам этот принцип? Своими корнями КК-принцип восходит к логическим штудиям финского философа и логика Яакко Хинтикки, который в книге «Знание и убеждение: введение в логику двух понятий» (1962 г.) описал формальный язык, который посредством семантики возможных миров Крипке позволяет формально и строго исследовать такое неформальное явление, как знание. Тем самым он предложил версию эпистемической логики, которая сегодня является базовой [10]. Необходимо отметить, что книга Хинтикки не выглядит как сборник формул. Наоборот, она полна философских размышлений о знании и его характеристиках. Ввиду этой специфики некоторые темы из работы Хинтикки стали областью продуктивного взаимодействия между формальной и неформальной эпистемологией. Хотя сам он утверждал, что в дискуссии, возникшей по следам его работы, порой с трудом узнает собственные идеи, и особенно это касается полемики о «КК».

Так, его логика предполагает аксиому позитивной интроспекции – представление о том, что если некто знает, что p , то он также знает о том, что он знает, что p ¹. В неформальных трактовках такое «знание о знании» трактуется как высокопорядковое, рефлексивное, интроспективное, самонаправленное и т. д. Поскольку в эпистемической логике оператор знания коротко записывается буквой «K», то позитивная интроспекция выглядит как два «K» подряд, из-за чего аксиому позитивной интроспекции Ристо Хилпинен и назвал «KK-принципом» [11].

Выглядит она следующим образом:

Аксиома позитивной интроспекции: $KnP \rightarrow KnKnP$.

Содержательно здесь выражается следующее: если субъект n знает (K), что p , то он также знает о том, что он знает, что p . Аксиома задает определенное свойство знания как оператора, однако важный нюанс состоит в том, что, несмотря на использование слова «интроспекция», базовая эпистемическая логика не касается вопроса о том, *как* субъект знает о том, что знает [12, р. 6–7]. Таким образом, здесь открывается понятная область для исследования в рамках общей эпистемологии, где KK-принцип обычно понимается как тезис о природе или характере знания. Соответственно, «знание о собственном знании» нередко трактуется как форма интроспекции или рефлексивного знания. Именно в таком понимании дискуссия о возможности безусловного знания о знании рассматривается в контексте общей эпистемологической полемики между интернализмом и экстернализмом [13].

Ещё раз подчеркнем, что эпистемическая логика просто не охватывает часть вопросов, которые возникают при переносе KK-принципа в общую эпистемологию, а поэтому само указание на наличие такой аксиомы не может служить аргументом в пользу некоторой теории интроспекции или интерналистской эпистемологии – наоборот, именно последние призваны прояснить, является ли аксиома интуитивной, выражает ли она некое фундаментальное свойство знания как явления вообще, а не только как логического оператора. В рамках эпистемической логики аксиома позитивной интроспекции может рассматриваться как идеализация, применяемая для моделирования ситуаций с идеализированными эпистемическими агентами, которые знают всё о своём знании.

Чтобы избежать возможной путаницы, мы будем в случае логического разворота темы писать об «*аксиоме позитивной интроспекции*», а во всех остальных ситуациях о «*KK-принципе*», или «*тезисе знания о знании*». Насколько можно судить, в научной литературе такое разделение терминов не принято, однако оно нам кажется необходимым, чтобы минимизировать смешение вопросов о формальной валидности и неформальной состоятельности KK-принципа.

Собственно, даже сам автор этого принципа – Яакко Хинтикка – предполагал, что KK-принцип может выражать сильное условие, которое соблюдается в формальных системах, а в обычной жизни скорее возникает как способ удостовериться в том, действительно ли некто знает [14; 15]. Категоричную формулировку принципа, представленную ниже, Хинтикка называл неаккуратной [15]. Он считал, что философы рассматривают знание в сильном смысле этого слова, что для Хинтикки означало следующее: если человек знает, что p , то никакая новая информация не может убедить человека в $\neg p$. Хинтикка считал, что состояние «знания о знании» – это и есть состояние, в котором субъект уже не нуждается в новой информации, чтобы знать, что p ; одновременно с этим Хинтикка допускал, что в обычной жизни мы говорим о знании в слабом смысле слова, под чем фактически он понимал попперианское знание, которое принципиально допускает возможность изменения при возникновении новой информации [10; 16].

У того факта, что KK-принцип сразу полагается и как аксиома эпистемической логики, и как свойство реального познавательного явления, имеются эпистемологические последствия: 1) допускается, что KK-принцип может быть более формально состоятелен, чем содержательно; 2) допускается, что категоричная формулировка принципа (о том, что знание всегда предполагает

¹ Кроме этого, есть и аксиома негативной интроспекции, согласно которой, если субъект не знает, что p , то он знает, что этого не знает. В эпистемологии она широко не обсуждается ввиду наличия очевидных контрпримеров (например, люди с дальтонизмом могут не знать, что они не знают цвет некоторого предмета; данное незнание о незнании нарушает аксиому негативной интроспекции).

второпорядковое знание о нём) может быть актуальной только для эпистемической логики, но не для ординарных не-идеализированных познавательных ситуаций.

Второе следствие в некоторой мере интуитивно принимается многими авторами, которые рассуждают о тезисе знания о знании, поскольку они заведомо рассматривают некатегоричную формулировку и нередко даже дополнительно ограничивают её. Чтобы не перечислять все возможные варианты, приведем общую категоричную и некатегоричную формулировки, по отношению к которым ограниченные формулировки обычно являются деривативными:

Категоричная формулировка КК-принципа: если субъект знает, что p , то он с необходимостью знает о том, что он знает, что p (например, упоминается в [3; 5; 8; 17, р. 221; 18; 19, р. 115–119]).

Некатегоричная формулировка КК-принципа: если субъект знает, что p , то он может узнать о том, что он знает, что p (например, упоминается в [6; 19, р. 95; 20–22])¹.

Основной эпистемологический вопрос заключается в следующем: может ли КК-принцип быть истинным вне рамок логической идеализации? Основные противоборствующие стороны – это в первую очередь люди, которые пытаются доказать, что знание действительно всегда сопровождается знанием о знании. Им же приходится как-то объяснять очень нетривиальные формальные следствия такой позиции, поскольку «КК-принцип» не ограничивается на втором порядке знания – в эпистемической логике каждый более низкий порядок влечет за собой порядок более высокий. Кажется, что в жизни, даже когда мы знаем о своем знании, то мы не склонны замыкаться в бесконечной рефлексивной валидации своих знаний о знании.

Те же, кто отрицают КК-принцип, также сталкиваются с концептуальным вызовом. Они допускают, что возможна ситуация, когда агент не знает о том, что он знает. Приводить разнообразные примеры такого незнания о знании нелегко. Проще всего приводить примеры, связанные со знанием-как, поскольку мы верифицируем наличие такого знания по умению нечто делать, а не по осведомленности субъекта об этом². Из-за этого получается, что зачастую предполагаемое незнание второго порядка – это явным образом вообще не в том же смысле слова знание, что и знание первого порядка.

Сторонники КК-принципа также иногда приходят к таким интерпретациям знания второго порядка, где оно является знанием в ином смысле, нежели знание первого порядка, а поэтому для последовательности что-то лучше перестать называть «знанием». Возникает понятный водораздел: одни исследователи говорят, что знанием нельзя называть эпистемическое состояние, которое не имеет никакой рефлексивности, а другие, что она неважна и знанием не стоит называть такую рефлексивность саму по себе. Полувековое исследование этих вопросов в эпистемологии приводит к выводу, что наши представления о метауровнях в познании, метакогниции и знании разных порядков оказались намного более смутными, чем это может показаться на первый взгляд.

Особенно важным это становится ввиду того, что у позиции насчет КК-принципа есть свои практические приложения и эмпирические следствия. Признано, что сторонники КК-принципа в сильном смысле и без ослабляющих переформулировок вынуждены заведомо отрицать возможность знания у нечеловеческих животных и даже детей, которые до определенного возраста не могут продемонстрировать признаки того, что они знают о собственном знании [13]. Таким образом, любая атрибуция знания животным (будь то токийские коты, которых исследовали

¹ Под «может узнать» подразумевается «being in a position to know». Буквальный перевод мог бы звучать так: «если субъект знает, то он находится в состоянии, чтобы узнать». Для общей некатегоричной формулировки не принципиально, почему он находится в этом состоянии или почему он может узнать о своем знании, хотя фактически именно на этом моменте и вводится рефлексивность субъекта как способ такого знания о знании. Принципиальным отличием некатегоричной формулировки от категоричной является введение модальности возможности. Следует отметить, что некоторые авторы считают, что некатегоричная формулировка при более подробном рассмотрении не так уж и сильно отличается от своей категоричной версии, что означает, в том числе, возможность применения против неё аргументов, выдвигаемых против сильной версии «КК» [22].

² Следует отметить, что знание-что (пропозициональное знание) в противовес этому удобно для иллюстрации знания о знании, поскольку любое утверждение о своем знании можно сопроводить дополнительным утверждением о знании первого утверждения и т. д.

на предмет распознавания их имён [23], или обезьяны, которых исследовали на предмет того, распознают ли они незнание [24]) подразумевает эпистемологическую позицию, отрицающую КК-принцип.

Даже не исключая возможности эпистемических мета-явлений в целом, получается, что в поле междисциплинарных исследований метакогниции имеются как минимум две имплицитные теоретические позиции: первая утверждает о том, что метапознание и знание высоких порядков – это что-то очень важное для познания вообще, а другая исходит из того, что обычно метапознание даже и не нужно учитывать при исследовании знания. Философский вклад в эту область междисциплинарных исследований, таким образом, может состоять не только в попытках найти точки соприкосновения между различными сферами исследования метапознания у людей и не только, но и в попытках прояснить, какая из имплицитно принимаемых теоретически программ (принимающая или отрицающая КК-принцип) является несостоятельной.

Что же касается категоричности или некатегоричности формулировки КК-принципа, то необходимо отметить специфичный момент, связанный с тем, что некатегоричные формулировки иногда отстаивают перед критикой категоричной формулировки «КК», т. е. критикой, которая в прямом смысле не направлена на некатегоричную формулировку. При этом, как минимум, некоторые защитники, выстраивающие свои аргументы против известных доводов Уильямсона, отстаивают некатегоричную формулировку, рассматривая его аргументы против категоричной (несмотря на то, что у него есть и те, которые непосредственно касаются некатегоричной) [12; 19]. Для примера: Коэн критикует аргумент Уильямсона против категоричной формулировки КК-принципа, отстаивая некатегоричную [12]. Как нам видится, иногда в неформальном контексте обсуждение смещается в сторону вопроса о возможности знания о знании вообще, тогда как начальный вопрос состоит в том, *достаточно* ли только знания первого порядка, чтобы постулировать, что из него обязательно следует знание второго порядка о нём же.

Так, в случае категоричной формулировки заявляется о том, что знание о знании или знание второго порядка – это критерий знания вообще. Иначе говоря, нет никакого знания, которое не сопровождалось бы знанием о нём, а во всех ситуациях, когда субъект не знает, что он знает, – он не знает вообще. Категоричная формулировка КК-принципа, таким образом, полагает знание второго порядка или некоторую связанную с ним рефлексивную способность в качестве необходимого условия знания вообще. Такое прочтение характерно для такой версии эпистемического интернализма, как аксессибилизм, поскольку он подразумевает определенную форму сильного эпистемического доступа посредством интроспекции как необходимое условие обладания знанием или обоснованным убеждением [25, с. 20; 26, с. 72–73]. Знание о знании в духе категоричного КК-принципа – неплохой кандидат на эту должность.

Некатегоричная формулировка также постулирует определенное необходимое условие для знания, но ввиду того, что речь идёт о возможности (о том, что субъект *может* знать о том, что он знает), то такой вариант оказывается менее нагружен концептуально. Данный вариант тезиса знания о знании даже необязательно ведёт к интернализму, поскольку условия возможности знания о знании можно связать не с рефлексивной способностью субъекта, а с внешними по отношению к нему условиями¹. Так или иначе, вариации некатегоричной формулировки КК-принципа характерны для умеренного интернализма в эпистемологии, тогда как экстерналисты типично отрицают КК-принцип в любых формулировках.

В целом современные эпистемологи связывают обсуждение тезиса знания о знании с достаточно широким (и в некотором роде расплывчатым) спектром вопросов. Эпистемологическое обсуждение КК-принципа по-разному применяется к дискуссии об интернализме и экстернализме, проводятся аналогии с принципом дедуктивной замкнутости, «КК» сравнивается с парадоксом

¹ В качестве примера можно иначе взглянуть на ситуацию, предлагаемую Хинтикой [14]. Один субъект заявляет о том, что он знает, что *p*. Другой спрашивает его: «Но знаешь ли ты о том, что знаешь, что *p*?». Данное, внешнее по отношению к первому субъекту, вопрошание можно рассмотреть как истинную причину (по крайней мере в каузальном смысле) возникновения или невозникновения знания о знании у первого субъекта. Следовательно, субъект может знать о том, что он знает, но каузальной причиной такого знания второго порядка является внешний запрос, а не внутренняя рефлексия.

неожиданного экзамена, обсуждается «прозрачность» и «светимость» ментальных состояний (то, всегда ли мы знаем, что находимся в некотором ментальном состоянии, если находимся в нём), проблематизируется безусловное знание о себе, ставятся вопросы о концептуальной возможности знания у детей и животных [12; 13; 27, с. 110–113; 28, с. 115–116]. Последний набор вопросов наиболее близок к эмпирическим исследованиям метапознания, а активное внимание Уильямсона к теме «эпистемической прозрачности» («epistemic transparency») сделало эту неформальную трактовку знания о знании одной из наиболее распространенных.

Вполне ясно, что данные рассуждения проистекают из самого названия аксиомы позитивной интроспекции и «расцветают» при переносе в поле общей эпистемологии. Эпистемическая прозрачность как эпистемологический термин, собственно, и означает доступность некоего состояния, когда оно имеет место, что в содержательном аспекте очень похоже на КК-принцип. Так или иначе, форма доступа необязательно должна быть знанием, а поэтому теории, предполагающие транспарентную доступность хотя бы какой-то части ментальной жизни, могут апеллировать к другим состояниям, помимо знания, например, к осведомленности. В таком случае, если осведомленность не понимается как форма знания, то такие позиции о «прозрачности» знания о себе или ментальной жизни в целом могут в прямом смысле и не отстаивать истинности тезиса знания о знании. Вместо этого они будут отстаивать по своей сути иной, хотя и внешне очень похожий принцип.

Нетривиальность порядков знания. Обсуждение тезиса знания о знании не обходится без введения, на наш взгляд, довольно нетривиального для общей эпистемологии предположения о порядках знания (и других эпистемических явлений по аналогии). В самом общем смысле к второпорядковому и высокопорядковому знанию относят знание, предметом которого также является знание. Несмотря на то что введение порядков для знания – это своего рода концептуальный багаж, который приходится хотя бы на время принять, отстаивая или опровергая этот принцип, сами эти порядки осмысляются не так уж и часто, хотя и имеются значимые исключения из общей тенденции, где порядкам знания придается серьезная теоретическая роль [29]. В целом же следует признать, что некоторые философы слишком просто принимают мысль о том, что порядок знания как элемент логической формы также существует и в качестве действительной характеристики знания.

На этом этапе важно сделать несколько замечаний о порядках знания. Обыденное употребление подразумевает разговор как о порядках персонального знания (« $KnKnP$ »), так и о порядках знания о знании других (например, знание такой структуры « $KnKcKaP$ » может неформально называться знанием третьего порядка). В рамках обсуждения КК-принципа мы говорим только о порядках персонального знания – о том смысле «порядка», когда его интерпретируют в качестве характеристики самонаправленности или рефлексивности знания. Знание о знании других предварительно будет рассматриваться в качестве цепочки первопорядковых знаний, которые далее будут сопоставлены с идеей эпистемической истории Алвина Голдмана.

Помимо того, что в эпистемической логике «КК» не ограничивается только двумя порядками (ещё раз подчеркнем, что данный формальный аспект редко получает неформальное объяснение), подразумевая бесконечную «рефлексивность» позитивной интроспекции, персональное знание любого порядка, если мы всё-таки остановимся на каком-то конкретном порядке, также может сокращаться до знания первого порядка при наличии аксиомы «Т» (если некто знает, что p , то p – истинно)¹. Как нам видится, сочетание этих двух фактов является неочевидным логическим свойством персональных порядков знания и, возможно, неожиданным для тех, кто пользуется подобной категорией. К этим моментам мы вернемся позже, а сейчас обратимся к той теоретической картине, где имеется знание первого и второго порядков.

Наш вопрос заключается в том, а что вообще значит для знания быть знанием второго или какого-либо ещё порядка? Общая интуиция состоит в том, что это определено знание, которое включает в себя другое знание как свой предмет. Если порядок задается тем, что знание более высокого порядка просто включает в себя знание более низшего порядка, находясь как бы уровнем

¹ Коротко обозначим, как это возможно: 1) $KnP \rightarrow p$ (Т); 2) $KnP \rightarrow KnKnP$ (КК); 3) Согласно (1), $KnKnP \rightarrow KnP$.

выше (что хорошо визуально выражается формальной записью «*KnKnP*»), то в таком случае даже в рамках эпистемологии нет никакой необходимости ограничиваться только предположением о существовании знания второго порядка. Как было отмечено выше, эпистемическая логика допускает оперирование любыми порядками знания, как и сокращение любых порядков персонального знания до простого «*KnP*» – субъект знает, что *p*.

Столь простая общая интуиция допускает существование бесконечного количества порядков знания, ограниченных, видимо, только тем, сколько порядков фактически может удержать человеческий разум. Другое дело, так ли многое тогда «*порядок*» значит для знания? Если ради эксперимента попробовать удержать в голове максимально длинную цепочку пропозиционального «знания о знании о знании о знании и т. д.», то проявим ли мы тем самым метапознавательную способность особенно высокого порядка или только «первопорядковое» удержание пропозиционального содержания в уме?

Хотя конкретные случаи знания и отличаются по своему содержанию (или предмету), такое различие обычно не считается существенным признаком отличия одного вида знания от другого. Иначе говоря, можно в одном и том же смысле знать разные вещи, но также можно по отношению к одной и той же вещи находиться в разных эпистемических состояниях – например, в состоянии осведомленности или в состоянии обоснованного убеждения.

Эта, на наш взгляд, общая для современной эпистемологии тенденция нечасто эксплицируется, а иногда может смешиваться с ровно противоположным подходом. Противоположный подход состоит в том, чтобы отличать эпистемические явления и, в частности, виды знания в первую очередь на основании их содержания. Если рассмотреть пример выводного и невыводного знания, то разделение, исходя из содержания, связывает с невыводным знанием что-то непосредственное, а с выводным – что-то опосредованное некоторой когнитивной операцией. На основании такой разницы иногда заявляют о том, что, например, посредством невыводного знания можно узнать что-то, что нельзя узнать посредством вывода. Например, если рассмотреть зрение как источник невыводного знания, то субъективная визуальная информация отдельного агента и окажется таким видом невыводного содержания, которое недоступно посредством вывода (такого рода различие, например, заметно в аргументе Нагеля из текста «Каково быть летучей мышью?»).

Смысл текущего указания в том, чтобы показать, что если для нас разница в содержании эпистемических явлений (и знания, в частности) – это ключевой критерий отличия одних явлений от других (одного знания от другого), то тогда количество этих явлений (видов знания) существенно возрастает. Поскольку такое раздувание эпистемического мы не считаем адекватным, то исходим из положения о том, что эпистемические явления должны иметь более фундаментальные структурные отличия, чем отличия по их содержанию. Например, если рассматривать знание-как в качестве принципиально непропозиционального и воплощенного знания, выражаемого, например, поведенческой диспозицией, то тогда, на наш взгляд, критерием отличия знания-как от знания-что является не просто разница в типичном содержании, но существенное структурное отличие. Данный подход позволяет лучше понять и содержательную связь этих видов знания, поскольку пропозициональное знание о том, что «рычаг приводит данный механизм в действие» может быть интеллектуальной частью знания-как, подразумевающего помимо овладения самой информацией ещё и способ нажатия на этот рычаг.

Кроме того, если мы исходим из критерия, задаваемого интуицией отличия знания по его содержанию, то область того, что мы можем считать знанием более высокого порядка, сильно расширяется, контрастируя с характерной для эпистемологии бинарной моделью, где есть первопорядковое знание (непосредственное, «животное», первичное) и более высокое, второпорядковое и метакогнитивное.

Проблема разрастающихся порядков знания. Рассмотрим простой пример. Допустим, некий агент знает, что « $2 + 2 = 4$ ». Это знание первого порядка. Он также знает, что знает, что « $2 + 2 = 4$ ». Это знание второго порядка. Что ему мешает знать о том, что он обладает знанием второго порядка насчет своего первопорядкового знания? Ничего, отчего мы и получаем знание третьего порядка. Проблема в том, что эту цепочку можно продолжать до бесконечности

или хотя бы до предела когнитивных способностей человека. Назовем это *проблемой разрастающихся порядков знания*: если более высокий порядок знанию придает то, что оно является знанием о знании, то о знании любого порядка можно сформулировать знание нового порядка, превосходящее исходное на один уровень. Если же подразумевается, что знание более низкого порядка *обязательно и с необходимостью* подразумевает знание более высокого порядка или некоторое метакогнитивное сопровождение, то логическим пределом высоты порядка оказывается бесконечность.

Такая проблема схожа с проблемой эпистемического регресса и может играть схожую роль в скептических гипотезах. В случае регресса обоснование требует своего обоснования, а в случае разрастающихся порядков знание меньшего порядка начинает требовать наличия знания большего порядка и т. д. Ещё до того, как Хинтикка сформулировал аксиому позитивной интроспекции и началась дискуссия о КК-принципе, Гилберт Райл указывал на схожую проблему, когда писал о том, что «если для осмысленного исполнения любого действия необходимо, чтобы была исполнена, причём разумно, предваряющая его теоретическая операция, то окажется логически невозможным когда-либо разорвать этот порочный круг» [30, с. 39]. Райл пишет о конкретизированном случае проблемы регресса порядков знания, когда предполагается, что знанию-как (умелому или корректному действию) всегда должно соответствовать второпорядковое знание-что (теоретическая операция). Уже в рамках сложившейся дискуссии о «КК» Уильямсон указывал на то, что КК-принцип не подразумевает какое-либо конечное количество итераций знания у субъекта, если тот знает, что *p* [19, p. 115].

Важно явно подчеркнуть, что не-скептическая эпистемология должна каким-то образом попытаться ограничить разрастание порядков знания. Особенно, если не-скептическая эпистемология принимает какую-либо из формулировок КК-принципа, поскольку если актуальное (или возможное) знание более высокого порядка – это условие для идентификации знания более низкого порядка, то возникают два возражения:

1. На какой уровень знаний о знании нам нужно будет взобраться, чтобы всё-таки знать?
2. Действительно ли он достижим или же нам всегда нужно будет делать шаг выше?

Один из вариантов ограничения разрастающихся порядков может как раз и состоять в попытке свести все к бинарному отношению знания первого и второго порядков. Можно сказать, что знанием второго порядка мы всегда называем «закрывающую» итерацию знания, тогда как всё, что находится перед ним, следует рассматривать как первопорядковое содержание. Например, в случае знания «*KnKnKnP*» жирным выделена закрывающая итерация знания, трактуемая как знание второго порядка, тогда как всё, что является его содержанием, вне зависимости от того, сколько итераций знания (и не только) оно включает, необходимо рассматривать как первопорядковое познавательное явление. Иначе говоря, смысл решения в том, чтобы по аналогии с логикой «схлопывать» содержание знания второго порядка до знания первого порядка. В таком случае упомянутое выше «знание третьего порядка» будет лишь знанием первого порядка для знания насчёт этого знания. Порядки в таком случае полностью зависят от интерпретатора и представляются им самим.

Чем может быть обосновано такое решение и, что более важно, такое понимание порядков знания, как своеобразной складной лестницы познания? В пользу такого подхода можно привести модифицированный аргумент Алвина Голдмана. Изначально он указывал на значимость эпистемической истории для конституирования обоснования и знания. Сама же эпистемическая история понимается Голдманом как объективная последовательность познавательных действий, в ходе которых возникло некоторое конкретное знание; поскольку эпистемическая история в таком случае предстает внешним по отношению к эпистемическому агенту фактором, то Голдман считал этот концепт экстерналистским [31].

Мы можем заимствовать понятие эпистемической истории, чтобы сказать, что для «закрывающего» второпорядкового знания, которое основывается на другом знании, это другое знание является частью причин, по которым второпорядковое знание возможно и актуально существует. Основной ход Голдмана состоит в том, что субъект может знать или быть обоснованно убежденным, поскольку его убеждение в истории своего возникновения имеет факт возникновения

вследствие надежного когнитивного процесса. Однако субъект не обязан помнить полную историю своих убеждений. Например, субъект может забыть о том, откуда знает, что восьмой президент США – это Мартин Ван Бюрен, и, с точки зрения Голдмана, если такое знание было получено из надежного источника или посредством надежного когнитивного процесса, то субъект все равно легитимно знает, кто был восьмым президентом США, хотя фактически и не имеет возможности объяснить, на чем именно основано его знание.

Применительно к порядкам знания ход может быть следующим. В качестве посылки можно принять, что тривиально любое выводное знание основывается на том, что также может квалифицироваться как знание. Выводное знание может выводиться из иного выводного знания или комбинации выводного и невыводного знаний. Цепочка таких выводов – это эпистемическая история получения знания. Соответственно, какой бы длинной ни была цепочка, её элемент, рассмотренный изолированно от истории, – это всегда первопорядковое знание. Знание второго или более высокого порядка – это тогда способ обозначения относительного места некоторого знания в изолированно рассмотренной цепочке эпистемических состояний¹.

Поскольку в ситуации рассмотрения двух элементов эпистемической истории один элемент неизбежно является рефлексивным по отношению к другому, который в таком рассмотрении неизбежно является первичным, то мы можем прагматически ограничить полезное рассмотрение эпистемической истории двумя порядками знания. Другое дело, что такое инструментальное разрешение проблемы разрастающихся порядков исключает простую онтологизацию порядков знания.

Следствием такого решения проблемы разрастающихся порядков является то, что в таком случае назначение знанию порядка – это высказывание не о природе знания, а о его специфическом восприятии или прагматике использования. Иначе говоря, порядок – это не то, что заложено в природу знания, а то, что мы знанию атрибутируем в неких своих целях. Каких именно? Например, для обозначения рефлексивности одного знания по отношению к другому. Является ли «рефлексивность» в таком случае также формой обращения со знанием, а не его фундаментальной характеристикой? Это открытый вопрос, выходящий за пределы настоящего исследования, но предварительно можно отметить, что потенциал есть и у отрицательного, и у утвердительного ответов. Отвечая утвердительно, мы говорим, что порядок знания – это формальное обозначение реальной степени его рефлексивности. Отвечая отрицательно, мы выступаем за своеобразный монизм и горизонтальную онтологию знания, где любое (выводное и невыводное) знание находится на одном уровне. Отрицательный вариант ответа, как нам видится, когерентен левому селларсианству, в рамках которого знание – это в принципе нормативный концепт, возникающий в пространстве логических оснований, а поэтому нет ничего удивительного в том, что представление о порядках знания подчиняется нашей языковой прагматике [32].

В результате этих рассуждений можно пересмотреть некатегоричную формулировку КК-принципа. Так, обычно по аналогии с категоричной формулировкой предполагается, что одно персональное знание субъекта может выступать в качестве содержания другого. Из этого делается вывод о необходимости принципиальной возможности интроспекции или рефлексии для познания. Если же понимать порядки знания как прагматический инструмент нашего описания познавательных ситуаций, то тогда некатегоричная формулировка свидетельствует о том, что одно знание может быть частью эпистемической истории другого знания. Следует ли отсюда делать

¹ Для прояснения рассмотрим простой пример. В школе Смит узнал от учителя, кто был восьмым президентом США ($KsKiP$). Узнав это от учителя, Смит также обрел персональное знание ($KsKiP \rightarrow KsP$). Однако из KsP не следует $KsKiP$. Позже Смит забыл о том, откуда он знает этот факт, но не сам факт. Смит воспринимает свое знание исключительно как первопорядковое (и это феноменологически действительно так), тогда как с точки зрения эпистемической истории его знание является второпорядковым по отношению к знанию учителя (заметим, что здесь «порядок знания» уже не означает исключительно порядок персонального знания). Рассматривая этот пример таким образом, мы сами выбираем масштаб, а поэтому ясно, что при более широком рассмотрении знанию Смита можно присвоить более высокий порядок. Порядок знания, таким образом, может означать его относительную опосредованность, что делает саму категорию порядков знания полезной в социальном контексте (например, можно попробовать выяснить, какой уровень опосредованности позволяет сохранять передачу знания, а не только мнения или чистой информации).

вывод, что способность быть частью эпистемической истории – это критерий идентификации чего-либо как знания? Не думаем, однако в некотором тривиальном смысле действительно верно, что всё, что может нами рассматриваться как знание, одновременно с этим может рассматриваться и как элемент эпистемической истории. В зависимости от того, как именно рассматривается этот элемент, он может трактоваться как второпорядковое или первопорядковое эпистемическое явление. Как нам видится, такая прагматическая и инструментальная трактовка способна эпистемологически объяснить два нетривиальных свойства порядков знания, подразумеваемых КК-принципом. Одновременно с этим соотношение порядков знания с эпистемической историей обладает объяснительным преимуществом, позволяющим взглянуть с новой стороны на смысл и характер итераций знания в цепочках познавательных актов.

Заключение. Прояснение характера порядков знания – это область, которая не была в достаточной мере отрефлексирована философами, исследовавшими КК-принцип в общей эпистемологии. Нами была явно поставлена и названа проблема разрастающихся порядков знания, состоящая в том, что стандартные подходы к анализу КК-принципа подразумевают существование неограниченного количества порядков знания. И если для эпистемической логики это не является проблемой, поскольку персональное знание сколь угодно высокого порядка можно сократить до знания первого порядка, то в рамках эпистемологии порядок знания проблематизируется тогда, когда имеется представление о том, что знания различных порядков – это различные эпистемические явления. Аналогичная концептуальная проблема может возникнуть и при эмпирических исследованиях метапознания. В процессе анализа данной проблемы было предложено понимать порядки знания прагматически, инструментально и номинально. В качестве одного из вариантов прагматического использования категории порядков знания было показано, как их можно сопоставить с концепцией эпистемической истории Алвина Голдмана, сделав, таким образом, оценку чего-либо как знания n -го порядка оценкой места этого знания в более широкой по отношению к отдельному субъекту истории приобретения знания.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Национальной академии наук Беларуси, соглашение о гранте № 2023-30-033.

Acknowledgements. This research was financially supported by the National Academy of Sciences of Belarus, project grant agreement no. 2023-30-033.

Список использованных источников

1. Hofer, B. K. Epistemology, metacognition, and self-regulation: musings on an emerging field / B. K. Hofer, G. M. Sinatra // *Metacognition and Learning*. – 2009. – Vol. 5. – P. 113–120. <https://doi.org/10.1007/s11409-009-9051-7>
2. Barzilai, S. Epistemic (meta) cognition: ways of thinking about knowledge and knowing / S. Barzilai, A. Zohar // *Handbook of epistemic cognition* / ed.: J. A. Greene, W. A. Sandoval, I. Bråten. – New York, 2016. – P. 409–424.
3. Hazlett, A. Higher-order epistemic attitudes and intellectual humility / A. Hazlett // *Episteme*. – 2012. – Vol. 9, N 3. – P. 205–233. <https://doi.org/10.1017/epi.2012.11>
4. Kearl, T. Epistemic akrasia and higher-order beliefs / T. Kearl // *Philosophical Studies*. – 2019. – Vol. 177, N 9. – P. 2051–2515. <https://doi.org/10.1007/s11098-019-01323-y>
5. Kappel, K. Bottom up justification, asymmetric epistemic push, and the fragility of higher order justification / K. Kappel // *Episteme*. – 2019. – Vol. 16, N 2. – P. 119–138. <https://doi.org/10.1017/epi.2017.19>
6. Zohar, A. Higher order thinking skills and low-achieving students: are they mutually exclusive? / A. Zohar, Y. J. Dori // *Journal of the Learning Sciences*. – 2003. – Vol. 12, N 2. – P. 145–181. https://doi.org/10.1207/S15327809JLS1202_1
7. Bruckner, D. W. Second-order preferences and instrumental rationality / D. W. Bruckner // *Acta Analytica*. – 2011. – Vol. 26, N 4. – P. 367–385. <https://doi.org/10.1007/s12136-010-0113-x>
8. Schiefsky, M. The creation of second-order knowledge in Ancient Greek Science as a process in the globalization of knowledge / M. Schiefsky // *The globalization of knowledge in history* / ed. J. Renn. – Berlin, 2017. – P. 191–202.
9. Dennett, D. C. The intentional stance in theory and practice / D. C. Dennett // *Machiavellian intelligence: social expertise and the evolution of intellect in monkeys, apes, and humans* / ed.: R. W. Byrne, A. Whiten. – Oxford, 1988. – P. 180–202.
10. Hintikka, J. Knowledge and belief: an introduction to the logic of the two notions / J. Hintikka. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1962. – 179 p.
11. Hilpinen, R. Knowing that one knows and the classical definition of knowledge / R. Hilpinen // *Synthese*. – 1970. – Vol. 21, N 2. – P. 109–132. <https://doi.org/10.1007/bf00413541>
12. Cohen, M. The uncoordinated teachers puzzle / M. Cohen // *Episteme*. – 2024. – Vol. 21, N 3. – P. 1023–1030. <https://doi.org/10.1017/epi.2023.6>
13. Hemp, D. KK (knowing that one knows) principle / D. Hemp // *Internet Encyclopedia of Philosophy*. – URL: <https://iep.utm.edu/kk-princ/> (date of access: 01.07.2023).

14. Хинтиikka, Я. О подобающих (попперовских?) и неподобающих способах употребления понятия информации в эпистемологии / Я. Хинтиikka // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / сост.: Д. Г. Лахути [и др.]; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. В. Н. Садовский. – М., 2000. – С. 291–297.
15. Hintikka, J. 'Knowing That One Knows' reviewed / J. Hintikka // *Synthese*. – 1970. – Vol. 21, N 2. – P. 141–162. <https://doi.org/10.1007/bf00413543>
16. Поппер, К. Объективное знание: эволюционный подход / К. Поппер; пер. с англ. Д. Г. Лахути; отв. ред. В. Н. Садовский. – 4-е изд. – М.: URSS, 2022. – 384 с.
17. Williamson, T. Inexact knowledge / T. Williamson // *Mind*. – 1992. – Vol. 101, N 402. – P. 217–242. <https://doi.org/10.1093/mind/101.402.217>
18. Williamson, T. Very improbable knowing / T. Williamson // *Erkenntnis*. – 2014. – Vol. 79, N 5. – P. 971–999. <https://doi.org/10.1007/s10670-013-9590-9>
19. Williamson, T. Knowledge and its limits / T. Williamson. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – 352 p.
20. Das, N. Transparency and the KK principle / N. Das, B. Salow // *Noûs*. – 2016. – Vol. 52, N 1. – P. 3–23. <https://doi.org/10.1111/nous.12158>
21. Dorst, K. Abominable KK failures / K. Dorst // *Mind*. – 2019. – Vol. 128, N 512. – P. 1227–1259. <https://doi.org/10.1093/mind/fzy067>
22. San, W. K. KK, Knowledge, Knowability / W. K. San // *Mind*. – 2023. – Vol. 132, N 527. – P. 605–630. <https://doi.org/10.1093/mind/fzac048>
23. Domestic cats (*Felis catus*) discriminate their names from other words / A. Saito, K. Shinozuka, Y. Ito, T. Hasegawa // *Scientific Reports*. – 2019. – Vol. 9, N 1. – Art. 5394. <https://doi.org/10.1038/s41598-019-40616-4>
24. Horschler, D. Non-human primates really represent others' ignorance? A test of the awareness relations hypothesis / D. Horschler, L. Santos, E. MacLean // *Cognition*. – 2019. – Vol. 190. – P. 72–80. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2019.04.012>
25. Прись, И. Е. Эпистемология и мораль / И. Е. Прись // *Философия науки*. – 2021. – № 3 (90). – С. 18–37. <https://doi.org/10.15372/PS20210302>
26. Каримов, А. Р. Эпистемология добродетелей / А. Р. Каримов. – СПб.: Алетейя, 2019. – 426 с.
27. Козырева, О. А. Критика картезианской концепции знания о себе в англоязычной аналитической философии: обзор основных стратегий / О. А. Козырева // *Эпистемология и философия науки*. – 2022. – Т. 59, № 1. – С. 94–116. <https://doi.org/10.5840/eps20225919>
28. Прись, И. Е. Знание в контексте / И. Е. Прись. – СПб.: Алетейя, 2022. – 717 с.
29. Haddock, A. Second-order knowledge / A. Haddock // *The nature and value of knowledge: three investigations* / D. Pritchard, A. Millar, A. Haddock. – Oxford, 2010. – P. 219–240. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199586264.003.0010>
30. Райл, Г. Понятие сознания: [пер. с англ.] / Г. Райл; общ. науч. ред. В. П. Филатов. – М.: Идея-пресс: Дом интеллект. кн., 1999. – 406 с.
31. Goldman, A. Internalism, externalism, and the architecture of justification / A. Goldman // *The Journal of Philosophy*. – 2009. – Vol. 106, N 6. – P. 309–338. <https://doi.org/10.5840/jphil2009106611>
32. Peregrin, J. Should one be a left or a right Sellarsian? (And is there really such a choice?) / J. Peregrin // *Metaphilosophy*. – 2016. – Vol. 47, N 2. – P. 251–263. <https://doi.org/10.1111/meta.12183>

References

1. Hofer B. K., Sinatra G. M. Epistemology, metacognition, and self-regulation: musings on an emerging field. *Metacognition and Learning*, 2009, no. 5, pp. 113–120. <https://doi.org/10.1007/s11409-009-9051-7>
2. Barzilai S., Zohar A. Epistemic (meta) cognition: ways of thinking about knowledge and knowing. *Handbook of epistemic cognition*. New York, 2016, pp. 409–424.
3. Hazlett A. Higher-order epistemic attitudes and intellectual humility. *Episteme*, 2012, vol. 9, no. 3, pp. 205–233. <https://doi.org/10.1017/epi.2012.11>
4. Kearsley T. Epistemic akrasia and higher-order beliefs. *Philosophical Studies*, 2019, vol. 177, no. 9, pp. 2051–2515. <https://doi.org/10.1007/s11098-019-01323-y>
5. Kappel K. Bottom up justification, asymmetric epistemic push, and the fragility of higher order justification. *Episteme*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 119–138. <https://doi.org/10.1017/epi.2017.19>
6. Zohar A., Dori Y. J. Higher order thinking skills and low-achieving students: are they mutually exclusive? *Journal of the Learning Sciences*, 2003, vol. 12, no. 2, pp. 145–181. https://doi.org/10.1207/S15327809JLS1202_1
7. Bruckner D. W. Second-order preferences and instrumental rationality. *Acta Analytica*, 2011, vol. 26, no. 4, pp. 367–385. <https://doi.org/10.1007/s12136-010-0113-x>
8. Schiefsky M. The creation of second-order knowledge in Ancient Greek Science as a process in the globalization of knowledge. *The globalization of knowledge in history*. Berlin, 2017, pp. 191–202.
9. Dennett D. C. The intentional stance in theory and practice. *Machiavellian intelligence: social expertise and the evolution of intellect in monkeys, apes, and humans*. Oxford, 1988, pp. 180–202.
10. Hintikka J. *Knowledge and belief: an introduction to the logic of the two notions*. Ithaca, Cornell University Press, 1962. 179 p.
11. Hilpinen R. Knowing that one knows and the classical definition of knowledge. *Synthese*, 1970, vol. 21, no. 2, pp. 109–132. <https://doi.org/10.1007/bf00413541>

12. Cohen M. The uncoordinated teachers puzzle. *Episteme*, 2024, vol. 21, no. 3, pp. 1023–1030. <https://doi.org/10.1017/epi.2023.6>
13. Hemp D. KK (knowing that one knows) principle. *Internet Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://iep.utm.edu/kk-princ/> (date of accessed: 01.07.2023).
14. Hintikka J. On proper (popper?) and improper uses of information in epistemology. *Theoria*, 1993, vol. 59, no. 1–3, pp. 158–165. <https://doi.org/10.1111/j.1755-2567.1993.tb00867.x>
15. Hintikka J. ‘Knowing That One Knows’ reviewed. *Synthese*, 1970, vol. 21, no. 2, pp. 141–162. <https://doi.org/10.1007/bf00413543>
16. Popper K. R. *Objective knowledge: an evolutionary approach*. Oxford, Clarendon Press, 1979. 395 p.
17. Williamson T. Inexact knowledge. *Mind*, 1992, vol. 101, no. 402, pp. 217–242. <https://doi.org/10.1093/mind/101.402.217>
18. Williamson T. Very improbable knowing. *Erkenntnis*, 2014, vol. 79, no. 5, pp. 971–999. <https://doi.org/10.1007/s10670-013-9590-9>
19. Williamson T. *Knowledge and its limits*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 352 p.
20. Das N., Salow B. Transparency and the KK principle. *Noûs*, 2016, vol. 52, no. 1, pp. 3–23. <https://doi.org/10.1111/nous.12158>
21. Dorst K. Abominable KK failures. *Mind*, 2019, vol. 128, no. 512, pp. 1227–1259. <https://doi.org/10.1093/mind/fzy067>
22. San W. K. KK, Knowledge, Knowability. *Mind*, 2023, vol. 132, no. 527, pp. 605–630. <https://doi.org/10.1093/mind/fzac048>
23. Saito A., Shinozuka K., Ito Y., Hasegawa T. Domestic cats (*Felis catus*) discriminate their names from other words. *Scientific Reports*, 2019, vol. 9, no. 1, art. 5394. <https://doi.org/10.1038/s41598-019-40616-4>
24. Horschler D., Santos L., MacLean E. Non-human primates really represent others’ ignorance? A test of the awareness relations hypothesis. *Cognition*, 2019, vol. 190, pp. 72–80. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2019.04.012>
25. Pris I. E. Epistemology and moral. *Filosofiya nauki = The Philosophy of Science*, 2021, no. 3 (90), pp. 18–37 (in Russian). <https://doi.org/10.15372/PS20210302>
26. Karimov A. R. *Virtue epistemology*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2019. 426 p. (in Russian).
27. Kozyreva O. A. Criticism on the Cartesian account of self-knowledge in English-speaking analytic philosophy: a review of the main strategies. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 1, pp. 94–116 (in Russian). <https://doi.org/10.5840/eps20225919>
28. Pris I. E. *Knowledge in context*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2022. 717 p. (in Russian).
29. Haddock A. Second-order knowledge. *The nature and value of knowledge: three investigations*. Oxford, 2010, pp. 219–240. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199586264.003.0010>
30. Ryle G. *The concept of mind*. Chicago, University of Chicago Press, 1984. 334 p.
31. Goldman A. Internalism, externalism, and the architecture of justification. *The Journal of Philosophy*, 2009, vol. 106, no. 6, pp. 309–338. <https://doi.org/10.5840/jphil2009106611>
32. Peregrin J. Should one be a left or a right Sellarsian? (And is there really such a choice?). *Metaphilosophy*, 2016, vol. 47, no. 2, pp. 251–263. <https://doi.org/10.1111/meta.12183>

Інфармацыя аб аўтара

Кардаш Аляксей Міхайлавіч – аспірант. Інстытут філосафіі, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: krdwalexei@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0002-9683-0601>

Information about the author

Aleksey M. Kardash – Postgraduate student. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: krdwalexei@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0002-9683-0601>